

Вера
ПАВЛОВА

Нежней
не бывает

Вера Анатольевна Павлова

Нежней не бывает

Серия «Золотая серия поэзии (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66483550

Нежней не бывает: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-04-159397-1

Аннотация

Стихи современного поэта Веры Павловой вызвали живой отклик в сердцах сотен тысяч читателей в России и стали известны во всем мире.

Необычайно сильный голос Веры Павловой учит женщин быть самими собою. В ее стихах сквозит неподдельная нежность, а «материально-телесный низ» у героини Павловой, несмотря на откровенность письма, становится возвышенным и целомудренным и по-настоящему одухотворенным. В книгу включены лучшие стихотворения поэта.

Содержание

Из книги «Небесное животное» (1997)	5
Из книги «Второй язык» (1998)	14
Из книги «Четвёртый сон» (2000)	15
Из книги «Вездесь» (2002)	29
Из книги «По обе стороны поцелуя» (2004)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вера Павлова

Нежней не бывает

© Павлова В.А., 2016

© Lisa Pavlova, фото, рисунок, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Из книги «Небесное животное» (1997)

после первого свиданья
спала как убитая
после второго свиданья
спала как раненая
после третьего свиданья
спала как воскресшая
после четвертого свиданья
спала с мужем

* * *

Слава рукам, превратившим шрам
в эрогенную зону,
слава рукам, превратившим в храм
домик сезонный,
рукам, преподавшим другим рукам
урок красноречья, –
вечная слава твоим рукам,
локтям, предплечьям!

* * *

Твое присутствие во мне меня –
ет все вовне и все во мне меняет,
и мнится: манит соловей меня,
и тополя меня осеменяют,
и облака – не облака, – дымы
от тех костров, где прошлое сгорело
и, выгорев дотла, осталось цело,
и эти двое на скамейке – мы.

* * *

Дом – это место для слушанья голоса ветра,
для рассуждений о криках под окнами
в полночь,
для размещенья и перемещения книжек,
чашек, подушек, квитанций на чистку одежды.
Дом – это мир существительных,
осуществлений,
мир до-мажора арпеджио под абажуром
и поцелуев, которые будят ребенка,
и разговоров о лучшем, несбыточном доме.

* * *

Считай меня глухонемой
и черно-белой,
считай, что этот дом – не мой,
что хочешь, делай
со мной и без меня – стерплю
слова, побои...
Считай, что я тебя люблю.
Что я – с тобою.

* * *

Мам, а небо далеко?
Далеко.
Мам, а море далеко?
Далеко.
Мам, а солнце далеко?
Далеко.
Мам, а папа далеко?
Далеко.

* * *

Летом всякий ветер с моря.
Зимой всякий снег с гор.
Душу свою до предела простора,
выяснишь: безграничен простор.
Осенью, ливнем дыша и дымом,
по весне, на ландыш дыша
или просто проснувшись любимым,
выяснишь: безгранична душа.

* * *

Свеча горела на столе,
а мы старались так улечься,
чтоб на какой-то потолок
ложились тени. Бесполезно!
Разве что стоя над столом,
о стол руками опираясь
и нависая над свечой.
Так – да. Но только рук скрещенья.

* * *

кому-то в беде посылают ангелов
мне посылают людей
то ли на всех не хватает ангелов
то ли хватает людей
то ли посланных мне ангелов
принимаю впотьмах за людей
то ли в людях вижу ангелов
и не вижу людей

* * *

Новость, от которой сердце
бьётся, как дитя в утробе:
не нашли его во гробе!
Ничего там нет, во гробе!
Ничегошеньки – во гробе!
А куда из гроба деться,
кроме... Взгляд и голос ввысь тяну.
Так – воистину? Воистину.

* * *

А может быть, биенье наших тел
рождает звук, который нам не слышен,
но слышен там, на облаках и выше,
но слышен тем, кому уже не слышен
обычный звук? А может, Он хотел
проверить нас на слух: целы? без трещин?
А может быть, Он бьёт мужчин о женщин
для этого?

* * *

Не могу на тебя смотреть, когда ты ешь.
Не могу на тебя смотреть, когда ты молишься.
Не могу, когда вынимаешь ногу из брюк.
Не могу, когда целуешь меня и берешь.
Не могу на тебя смотреть, когда ты спишь.
Не могу на тебя смотреть, когда тебя нет.
Не могу дожждаться, когда же ты снова придёшь
и, помолвившись, сядешь за стол есть.

* * *

соски эрогенны
чтоб было приятней кормить
пупок эрогенен
чтоб родину крепче любить
ладони и пальцы
чтоб радостней было творить
язык эрогенен
чтоб вынудить нас говорить

* * *

Творить? Ну что ты! – Створаживать
подкисшее житие,
житуху облагораживать,
чтоб легче было её
любить. И любить её, жирную,
как жёлтый пасхальный творог.
А ты мне про тайны надмирные,
а ты мне – восстань, пророк!

* * *

Хочешь, чтобы тебя слушали?
Чтобы к тебе прислушивались?
Ловили каждое слово?
Переглядывались – что он сказал? –
Хочешь? – Иди в машинисты,
води пригородные электрички,
говори свысока, небрежно:
Мичуринец, следующая Внуково.

* * *

если есть чего жалеть
значит будет о чем жалеть
если есть о чем жалеть
значит будет о чем вспомнить
если будет о чем вспомнить
значит не о чем было жалеть
если не о чем было жалеть
значит нечего было жалеть

* * *

Одиночество – это болезнь,
передающаяся половым путём.
Я не лезу, и ты не лезь.
Лучше просто побудем вдвоём,
поболтаем о том, о сём,
не о том, не о сём помолчим
и обнимемся, и поймём:
одинокий неизлечим.

* * *

Давай друг друга трогать,
пока у нас есть руки,
ладонь, предплечье, локоть,
давай любить за муки,
давай друг друга мучить,
уродовать, калечить,
чтобы запомнить лучше,
чтобы расстаться легче.

Из книги «Второй язык» (1998)

Мы любить умеем только мёртвых.
А живых мы любим неумело,
приблизительно. И даже близость
нас не учит. Долгая разлука
нас не учит. Тяжкие болезни
нас не учат. Старость нас не учит.
Только смерть научит. Уж она-то
профессионал в любовном деле!..

* * *

Самый женский из жестов:
посреди дороги, беседы,
объяснения, прощанья навеки
изогнуться изящным движеньем
и ладонью вытереть туфли –
новые ж!.. Самый мужской –
эту руку поймать на излёте
и прижать ладонью к щеке.

Из книги «Четвёртый сон» (2000)

С наклоном, почти без отрыва,
смакуя изгибы и связки,
разборчиво, кругло, красиво...
Сэнсэй каллиграфии ласки
внимателен и осторожен,
усерден, печален, всезнающ.
Он помнит: описки на коже
потом ни за что не исправишь.

* * *

нежней не бывает –
а он всё нежнее
сильней не бывает –
а он всё сильнее
грустней не бывает –
а он всё грустнее
нужней не бывает –
а он всё не с нею

* * *

Зеркало по природе правдиво,
поэтому оно легковерно,
поэтому ничего не стоит
вести его в заблужденье:
поворот головы, пары прядок
размещенье, прищур и улыбка,
и уже верещит, простофиля:
Всех милее, румяней, белее!..

* * *

Буду писать тебе письма,
в которых не будет ни слова
кокетства, игры, бравады,
лести, неправды, фальши,
жалобы, наглости, злобы,
умствованья, юродства...
Буду писать тебе письма,
в которых не будет ни слова.

* * *

морщины вокруг рта
взяли рот в скобки
морщины в уголках глаз
взяли глаза в кавычки
морщины поперек лба
написанное на лбу перечеркнули
морщины поперёк горла
подвенечная седина

* * *

В нашей с тобой ссоре
я на твоей стороне.
Нелепо мое *sorry*
и *больше не буду* – вдвойне,
но лепо твое горе,
и горькой покажется мне
победа разгромная вскоре
в нашей с тобой войне.

* * *

Послали друг друга на фиг
и снова встретились там,
и послали друг друга на фиг,
и шли туда по пятам
друг за другом, и встретились снова,
и послали, и за руку шли,
и в обнимку. Да что там на фиг –
я с тобой хоть на край земли!

* * *

Одиночество в квадрате окна,
одиночество в кубе комнаты,
когда хочешь остаться одна
и серьёзно обдумать, какого ты
чёрта лысого, хрена, рожна
к этой местности взглядом прикована,
будто это – чужая страна,
а родная – о, как далеко она!..

* * *

вижу сырую землю
и хочется играть в ножички
вижу сухой асфальт
и хочется играть в классики
вижу проточную лужу
и хочется пускать кораблики
вижу горячую скамейку
и хочется играть в любовь

* * *

Дедушка пел в церковном хоре
дискантом *Со святыми упокой.*
Дедушка пел в другом хоре
тенором *Там вдали за рекой.*
Дедушка с девочкой пели дуэтом
у реки *Там вдали за рекой.*
Лирическим сопрано соло спето
дедушке *Со святыми упокой.*

* * *

Стрекоза штрихует воздух
сикось-накось, кое-как.
Водомерка мерит воду,
чтоб скроить с искрою фрак.
Паучок висит, корячась.
Угодила мошка в глаз.
Скоро я совсем растрочу
детства золотой запас.

* * *

Все половые признаки вторичны,
все жгутики твои, мои реснички.
Пути окольные, речи околичны,
тычинки-пестика, бочки-затычки.
Яйцо вторично, курица тем паче.
Хочешь – кудахтай, хочешь – кукарекай.
Хочу. Кудахчу. Не хочу, но плачу,
придасток, полуфабрикат, калека.

* * *

Принимая удар как награду,
принимая награду как груз,
я ищу предпоследнюю правду,
потому что последней боюсь.
Только тают последние силы,
только не с чем сверить ответ.
Вот у Рильке была Россия.
У меня и этого нет.

* * *

Во взгляде грустная бодрость,
а в голосе бодрая грусть.
Отыгран безумный возраст
прелюдий с листа наизусть.
Откуда ты, тихая сила,
отчаянная простота?
Я всё, что учила, забыла.
Но лучше читаю с листа.

* * *

Подмышки пахнут липой,
чернилами – сирень.
Когда бы мы могли бы
любовиться целый день
подробно и упруго
и к вечеру раз пять
друг друга друг на друга,
как пленных, обменять!..

* * *

Смысл жизни младше жизни
лет на тридцать – тридцать пять.
Полагается полжизни
ничего не понимать.
А потом понять так много
за каких-нибудь полдня,
что понадобится Богу
вечность – выслушать меня.

* * *

Прядётся, прядётся, прядётся
корявыми пальцами нить.
Придётся, придется, придётся
родителей похоронить.
Эй, вечность, ты все еще в детской
иль перебралась на вокзал?
Везёт Тебе, царь Иудейский! –
Ты этого страха не знал.

* * *

Чёрное с утра примерять,
пару блузок переменить...
Сколько ни учишь умирать,
не научишься хоронить.
Сколько ни учишь горевать,
не научишься говорить:
Примите мои соболезнованья, – и кивать,
если станут благодарить.

* * *

Нежность не жнёт, не сеет,
духом святым сыта.
Что же она умеет?
Только снимать с креста.
Тут не нужна сила –
тело его легко
настолько, что грудь заняла,
будто пришло молоко.

* * *

Выпьем воды летейской на брудершафт,
я из твоих, а ты из моих ладоней,
и осмотримся, как изменился ландшафт.
Изменился. Стал еще монотонней.
И пойдём по трупам забытых дней,
освещённые тусклым отблеском славы...
Если дух действительно плоти сильнее,
как же ему не совестно мучить слабых?

* * *

Писали родину с заглавной,
писали Бога со строчной,
ведóмы Ольгой Николавной
с Ириной Александровной.
Вотще мы Родине молились
и втуне получили пять.
Все правила переменялись.
Бог знает, как теперь писать.

* * *

В дневнике литературу мы сокращали лит-ра,
и нам не приходила в голову рифма пол-литра.
А математику мы сокращали мат-ка:
матка и матка, не сладко, не гадко, – гладко.
И не знали мальчики, выводившие лит-ра,
который из них загнётся от лишнего литра.
И не знали девочки, выводившие мат-ка,
которой из них будет пропорота матка.

* * *

Утёнок был гадок и гадко-прегадко одет,
с худыми ногами и длинною тонкой косою.
Лишенный особых царевно-лебяжьих примет,
он громко, нахально, прилюдно гнушался собою.
Открылось утёнку, что все, поголовно, скоты,
что радости нет и, наверное, больше не будет.
И страх темноты перевешивал страх высоты.
И больно чесались невылупившиеся груди.

* * *

Влюблялись друг в друга по кругу,
по росту, по списку в журнале,
отбив у подруги подругу,
доверие класса теряли,
кричали на пьяного папу
и хлебом кидались в столовой,
и только ленивый не лапал
под лестницей Нинку Хапкову.

* * *

Приап приходит раньше, чем Эрот.
Войдёт в вагон. Ширинку расстегнёт.
Достанет. Поиграет. Уберёт.
Кругом народ. Но это не спасёт.
Глухая духота. Горючий пот.
Не глядя. Глаз не отрывая от.
Девичество. Четырнадцатый год.
Лица не помню. Только чёрный рот.

* * *

Ave тебе, матерок,
лёгкий, как ветерок,
как латынь прелата,
налитой и крылатый,
как mots парижских заплатки
на русском аристократки,
как чистой ночнушки хруст, –
матерок из девичьих уст...

* * *

Мы выросли наперегонки.
Мы на время бегали по кругу.
Мальчик, шнуровавший мне коньки
(переделай, это слишком туго!),
первым откатал свои круги.
Врали про плеврит. Нет, политура.
...и так накатаешься, что, придя, не можешь
снять коньки –
сядешь на пол и сидишь, как дура.

Из книги «Везде» (2002)

Причалил к безлюдному берегу.
Ножом открывал мидию.
Открыл меня, как Америку,
считая, что прибыл в Индию,
что тут Камасутра сторукая,
ночное домашнее видео...
И с плохо скрываемой скукою
из мидии ножик выдернул.

* * *

Вьёшь из меня верёвки,
вяжешь удавки из них.
Фу, какая дешёвка!
Ключья верёвок гнилых
на шее. Полуживы,
а прожили – четверть? Треть?
Тяну из тебя жилы –
отличная выйдет плеть.

* * *

Он превращает воду в вино.
Она вино превращает в воду,
чтобы он не надрался. Оно
превращается, но через пень-колоду,
скорей ему подчиняясь, чем ей.
Посмотрел бы ты на себя, человечек!
Она всё трезвее. Он всё хмельней.
Оно всё крепче.

* * *

С педофилом в кустах сюсюкала,
с фетишистом мылась в чулках,
лесбиянка меня баюкала
на своих волосатых руках,
с педерастом постриглась наголо,
мазохиста секла до крови,
с импотентом в обнимку плакала
по любви, по любви, по любви.

* * *

против течения крови
страсть на нерест идёт
против течения речи
слово ломает весло
против течения мысли
снов паруса скользят
я плыву по-собачьи
против течения слёз

* * *

куча ножей
а режет только один
куча ручек
а пишет только одна
куча мужчин
люблю одного тебя
может быть
ты наконец заточишь ножи?

* * *

Опыт? Какой, блин, опыт!

Как с гусыни вода...

– Тётя Вея, ты ёбот?

– Да, дитя моё, да.

Разве может быть добыт

из-под спуда стыда

хоть какой-нибудь опыт?

– Да, дитя моё, да.

* * *

Рыдая, переспать с утратой
и за ночь породниться с ней.

К утру утрага станет датой,

днём среди дней,

и будет ревновать, бедняга,

и не без повода, боюсь,

к другой утрате, с коей лягу

и породнюсь.

* * *

Что я буду делать там?
Кататься на велосипеде, который угнали.
Перечитывать книжки, которые замотали.
Целоваться с мальчишками, которых отбили.
Возиться с детишками, которых удалили.
Оставленных тут,
когда уснут,
гладить по волосам.

* * *

Нежность. Точнее – жалость.
Ещё точнее – мука.
Как мы друг к другу жались,
потерявши друг друга!
Ночь – братская могила.
Безымянны солдаты.
Как нас с тобой сроднила
тяжесть нашей утраты!

* * *

презираешь женщину за то
что она одета слишком ярко
убиваешь женщину за то
что не можешь сделать ей подарка
проклинаешь женщину за то
что не ты во гроб её положишь
забываешь женщину за то
что никак забыть её не можешь

* * *

Папа, чайку согрей
и обзови стервой,
и назови Вербой,
и сядь посиди со мной!
Сколько было любвей –
и ни одной первой,
и ни одной верной,
единственной ни одной.

* * *

притвориться пьяной
чтобы приласкаться
притвориться глупой
чтоб сказать *люблю*
притвориться старой
чтоб не притворяться
притвориться мёртвой
притворяясь что сплю

* * *

Убежать с тобой? Рада бы!
Разделить с тобой кров и путь?
Проще распрямить радугу,
Млечный Путь дугою согнуть,
накормить детей песнями,
победить в кавказской войне...
Разлюбить тебя? Если бы!
Проще строить дом на волне.

* * *

Тихо, как на войне.
Лежу на спине, одна,
и чувствую, как во мне
умирают твои семена,
их страх, их желанье жить...
Я, кажется, не потяну
столько смертей носить,
вынашивая одну.

* * *

С кем бессмертие перезимую,
буду оттаивать с кем? Но я
не променяю любовь земную
на вечную, на подземную.
Ещё успею – цветами, глиной,
памятью белоглазой... Но
пока мы смертны, тебе, любимый,
ни в чём не будет отказано.

* * *

Любовь – разновидность наркоза. Местного.
Впрыснут – и на убой.
Полжизни, полпамяти, полцарства небесного
за полчаса с тобой.
В бреду, в электричке, в слезах, на паперти
прошу врача-хитреца:
ломает. Впрысните. Вот: полпамяти,
полжизни, полсмерти, полца –

* * *

Из года в год подсматривая, как
рождается из пены для бритвы
твоё лицо, и видя в этом знак
безотлагательности бытия,
решаться быть. И быть – такой, сякой...
И в полночь, выключая верхний свет,
привычно щёку находить щекой:
Колючий. – Мне пойти побриться? – Нет.

* * *

Линия – размазанная точка.
Точка – та же линия в разрезе.
Точность точечна. Конечна строчка –
много просится, да мало влезет.
Много спросится – гораздо больше,
чем казалось верности и чести.
Бочка в море. В бочке почтальонша.
В сумке телеграмма о приезде.

* * *

нежности подкожный слой
ровный как загар нудиста
тихо-тихо чисто-чисто
разговаривать с тобой
на подстрочном языке
эхом эха тенью тени
в солнечном твоём сплетенье
спать как в пляжном гамаке

* * *

О детский страх потери,
с которым первоклашка
на ленте ключ нательный
под платьем, под рубашкой
нащупывает: вот он!
и к сердцу прижимает,
потому что папа с мамой ушли на работу.
Вернутся ли? Кто знает...

* * *

– *Наша нежность нас переживёт.* –
И к тебе под одеяло – прыг!
Ласка, ты – обратный перевод
слов любви на ангельский язык.
То-то автор будет удивлён.
То-то мы не скроем торжества:
наконец-то найден верный тон.
Вот, дословно целая строфа!

* * *

Дочери на пейджер:

Срочно позвони.

Господу на пейджер:

Спаси и сохрани.

– Мам, я у Кирилла.

Ну хватит, не кричи.

Значит, получила.

Значит, получил.

Из книги «По обе стороны поцелуя» (2004)

Дидона, блин, Этери
сомнительных кровей!
Нашла себе потерю
и ну носиться с ней.
Все песни кровью в горле.
Все волосы в золе.
Как будто кроме горя
нет счастья на земле.

* * *

Не мысль, не чувство, – ощущение
всего телесного состава,
что новая любовь – прощенье
за то, что сделано со старой,
что сладок поцелуй Иудин,
что он желанен Назарею...
Прощение за то, что будет
позднее сделано и с нею.

* * *

По счёту – почести. По смете –
утраты. Радости – в кредит.
Я – сон, который снится смерти.
Тссс, не буди, пускай поспит.
И ты поспи. Любовью выжат,
младенчески прильни ко мне.
Как тихо спит. Как ровно дышит.
Как улыбается во сне.

* * *

Нежность больше не делится
на состраданье и страсть.
В цельное легче целиться,
но труднее попасть.
Здравствуй, министр утренних
дел, кофейных кантат
автор! В моём целомудрии
ты один виноват.

* * *

Перед дальней дорогой
приляжем, старина!
Первых любовей много,
последняя – одна.
Продлись, помедли, лето –
исправительный срок
улады напоследок,
ласки через порог.

* * *

На старом сломанном диване,
на пыльном рваном покрывале
прикладывали рану к ране,
и раны сразу заживали.
Но, воровато озираясь,
стыдясь, не говоря ни слова,
мы друг от друга отрывались,
и раны открывались снова.

* * *

стирала плохо выжала
всю ночь течёт с белья
не знаю как я выжила
и выжила ли я
никак не отмывается
пятно на полспины
любовь с виной тягается
но силы не равны

* * *

Сердце упало, сердце взлетело,
великий могучий язык
рассыпался, как уголовное дело
за недостатком улик,
радость раскинулась тысячью свадеб,
и не осталось следа
от вечного страха, что жизни не хватит,
чтобы сказать тебе *да*.

* * *

Оставлены после уроков
доделывать трудный урок.
Ночная учебна тревога
любви – умирания впрок.
Согреемся маленькой верой,
утешимся мыслью простой,
что станет последняя первой
любовь за последней чертой.

* * *

Танго: мои любовники
с твоими любовницами.
Ишь, какие тоненькие!
Ишь ты, как хорохорятся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.